

СУКА

Пилар
КИНТАНА

Перевела с испанского Елена Горбова

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Кол)-44
К41

LA PERRA
Pilar Quintana

Напечатано с разрешения Casanovas & Lynch Literary Agency S.L.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Кинтана, Пилар.

К41 Сука : роман / Пилар Кинтана ; пер. с исп. Е. Горбовой. — Москва : Porcorn Books, 2021. — 128 с.

ISBN 978-5-6046290-0-0

Дамарис вместе с мужем живет на колумбийском побережье Тихого океана в старой тесной хижине. Дамарис уже сорок, и, несмотря на все старания, они с мужем так и не смогли завести ребенка. Поэтому, когда она случайно находит щенка, тот становится центром ее вселенной и бесконечным источником любви. Все свое время она посвящает уходу за псом — до тех пор пока собака не исчезает, погружая безмятежную жизнь Дамарис в настоящий хаос.

Душераздирающий, проникновенный и безжалостный, этот роман открывает иные стороны материнства, любви и сострадания.

УДК 821.111
ББК 84(7Кол)-44

© Елена Горбова, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
Porcorn Books, 2021
© 2017, Pilar Quintana
Обложка © Lily Jones, 2021

ISBN 978-5-6046290-0-0

— Сегодня утром я вон там ее нашла — лежала кверху пузом, — сказала донья Элодия, указывая рукой на песчаный пляж, где собралась целая куча разного рода мусора, приносимого океаном с приливом и забираемого обратно при отливе: палки, пластиковые пакеты, бутылки.

— Отравилась?

— Думаю, да.

— И что вы с ней сделали? Похоронили?

Донья Элодия кивнула:

— Внуки.

— Наверху, на кладбище?

— Да нет, прямо тут, на берегу.

В деревне собаки нередко дошли от отравы. Поговаривали, что их травят специально, но Дамарис не могла поверить, что есть люди, способные на такие дела, и предпочитала думать, что собаки сами сжирают отравленную приманку для крыс, ну или уже отравленных крыс — легкую добычу в таком состоянии.

— Мои соболезнования, — сказала Дамарис.

В ответ донья Элодия молча кивнула. Собака эта была у нее с давних пор — черного окраса сука, что вечно лежала возле ее ресторанчика на пляже и ходила за своей хозяйкой повсюду: в церковь, в гости к невестке, в лавку, на причал... Донья Элодия, несомненно, была очень расстроена, но виду не показывала. Она опустила на пол щенка, которого только что покормила из шприца, куда молоко набиралось из чашки, и взяла в руки следующего. Щенят было десятеро — совсем еще малютки, даже глазки не открыли.

— Им всего-то шесть дней от роду, — сказала донья Элодия, — не выживут.

Сколько Дамарис себя помнила, донья Элодия всегда была старой, носила очки с толстыми линзами, за которыми глаза ее казались огромными, оплывшей — от пояса и ниже — и скупой на слова. Двигалась она неторопливо и сохраняла неизменное спокойствие, даже в дни наплыва клиентов, когда в заведении ее хватало и пьяных, и носящихся между столиками детей. Однако сегодня она выглядела подавленной.

— А почему не раздаете? — поинтересовалась Дамарис.

— Да одного уже забрали, но вообще-то таких маленьких брать никто не хочет.

Поскольку высокий сезон уже прошел, в ресторане не было ничего: ни столиков, ни музыки, ни туристов, — только огромное пустое пространство с доньей Элодией, устроившейся на скамейке, и десятью щенками в картон-

ной коробке на полу. Дамарис внимательно их разглядывала, пока выбор ее не остановился на одном.

— Можно я возьму вот этого? — спросила она.

Донья Элодия опустила в коробку только что накормленного щенка, достала вместо него того, на которого указала Дамарис, — серенького, с висячими ушками — и заглянула ему под хвост.

— Это сука, — объявила она.

При отливе пляж становился широким — бескрайнее поле черного песка, больше похожего на слякотную грязь. Однако в часы прилива он скрывался под водой целиком, волны несли палки, ветки, семена и мертвые листья из сельвы, и все это ворочалось и перемешивалось с мусором, оставленным людьми. Дамарис возвращалась из гостей — она навещала свою тетю, жившую в другой деревне или даже небольшом городке, что располагался выше и гораздо дальше от моря: на твердой суше, дальше военного аэродрома. Тетино поселение было гораздо более современным, с отелями и самыми настоящими ресторанами. Остановилась же Дамарис у дома доньи Элодии из любопытства, заметив, что та возится со щенками, а так-то она направлялась к себе домой, в противоположный конец пляжа. Поскольку положить щенка ей было некуда, она устроила малышку у себя на груди. Та целиком помещалась в ее ладонях и пахла молоком, и Дамарис до ужаса захотелось покрепче прижать ее к себе и поплакать.

Деревня Дамарис представляла собой одну длинную песчаную улицу, зажатую между тесно стоящими домами.

Домишки эти, все основательно потрепанные, возвышались над землей на деревянных сваях, стены их были сложены из досок, а крыши окислились и почернели. Дамарис слегка опасалась того, что ей скажет Рохелио, увидев малышку. Собак он не любил, и если их и держал, то ровно с одной целью: чтобы громко лаяли и дом охраняли. На тот момент псов у него было трое: Дэнджер, Моско и Оливо.

Дэнджер, самый старший, смахивал на лабрадора — из тех собак, которых использовали военные при досмотре судов и багажа туристов, вот только голова у него была большой и угловатой, как у питбулей, живших при отеле «Пасифико Реаль» в соседнем городке. Дэнджер был сыном собаки покойного Хосуэ, а вот он собак как раз любил. И держал их не только ради того, чтобы лаяли, мог и приласкать. А еще дрессировал, чтобы на охоту брать.

Рохелио рассказывал, что однажды, когда он зашел навестить ныне покойного Хосуэ, один щенок (а тогда ему и двух месяцев еще не было) отделился от своих братьев и сестер и набросился на него с оглушительным лаем. Рохелио решил, что именно такой пес ему и нужен. Щенка Хосуэ ему подарил, и Рохелио назвал его Дэнджер, что значит «опасность». Дэнджер вырос и превратился ровно в то, что от него и ожидалось: крайне подозрительного и злобного пса. Когда Рохелио говорил о нем, то с явным уважением и даже восхищением, однако единственным известным ему методом обращения с животным было устрашение: он кричал псу «Пшел!» и поднимал руку вверх, чтобы тот

сразу вспомнил обо всех случаях, когда хозяин задавал ему трепку.

По Моско сразу было видно, что в щенячьем возрасте жилось ему несладко. Он был маленьким, худеньким и все время дрожал. В один прекрасный день он просто появился у них во дворе, а коль скоро Дэнджер его принял, то там и остался. Однако хвост у него был поранен, и рана через несколько дней воспалилась. А к тому времени, когда Дамарис и Рохелио обратили на это дело внимание, там уже завелись черви, и Дамарис вдруг почувствовалось, что на ее глазах оттуда вылетела вполне оформившаяся муха.

— Ты видел, видел?! — вскрикнула она.

Рохелио ничего не видел, но, когда Дамарис объяснила, в чем дело, расхохотался и объявил, что наконец-то придумал этой скотине кличку*.

— А теперь, Моско — сукин сын, сиди смиренно, — велел он.

Потом одной рукой схватился за кончик хвоста, другой поднял мачете и, прежде чем Дамарис успела понять, что он собирается делать, одним ударом отрубил собаке хвост. Взвыв, Моско бросился прочь, а Дамарис в ужасе уставилась на Рохелио. А он, не выпуская из рук кишаций червями собачий хвост, пожал плечами и заявил, что сделал это исключительно для того, чтобы остановить инфекцию,

* Моско (*исп. mosca*) — муха (окончание -а Рохелио заменил на -о, имея в виду мужской пол собаки).

однако Дамарис не могла отделаться от мысли, что отсечение хвоста доставило ему удовольствие.

Самый младший, Оливо, был сыном Дэнджера и соседской суки, шоколадного окраса лабрадорихи, к тому же соседки уверяли, что она чистокровная. Оливо вышел похожим на своего отца, хотя шерсть у него оказалась подлиннее и посветлее. Из всей троицы он был самым угрюмым. Ни один из трех псов к Рохелио не приближался, да и вообще к людям они относились с недоверием, однако Оливо вообще ни к кому не подходил и не доверял, да так, что в присутствии человека никогда не ел. Дамарис знала почему: когда собаки ели, Рохелио незаметно подкрадывался и принимался хлестать их тонкой бамбуковой палкой, заведенной специально для этой цели. В тех случаях, когда собакам случалось в чем-то перед ним провиниться, или же просто так — по той простой причине, что ему доставляло удовольствие их бить. Кроме всего прочего, Оливо отличался коварством: мог укусить без предупреждения, молча, причем сзади.

Дамарис сказала себе, что с девочкой все будет по-другому. Это собака — ее, и она не позволит Рохелио обращаться с ней так же, как с другими псами, даже и взглянуть-то на нее косо не даст. Тем временем Дамарис дошла до лавки дона Хайме и показала ему щеночка.

— Какая крошка! — удивился он.

В лавке дона Хайме всего один прилавок, а напротив — одна-единственная стена, но ассортимент ее настолько

широк, что купить там можно почти все: от продуктов питания до гвоздей и шурупов. Дон Хайме родом из центральной части страны, на побережье он появился налегке — в те времена, когда строилась военно-морская база. Вскоре он сошелся с чернокожей женщиной из деревни, еще более бедной, чем был сам. Кое-кто распускал слухи, что ему удалось выбиться в люди с помощью колдовства, однако Дамарис считала, что причина в том, что человек он добрый и работающий.

На этот раз он отпустил ей в долг овощи на всю неделю, батон для завтрака, пакет порошкового молока и шприц, чтобы кормить щеночка. А в придачу отдал просто так картонную коробку.

Рохелио — рослый чернокожий мужчина с хорошо развитой мускулатурой и вечно сердитым выражением лица. Когда Дамарис вместе со щенком вернулась домой, он чистил во дворе движок газонокосилки. С ней он даже не поздоровался.

— Еще один пес? — поинтересовался он. — Не рассчитывай, что я буду его кормить.

— А тебя что, кто-то о чем-то просит? — ответила она и направилась напрямиком в дом.

Шприц оказался бесполезным. Руки у Дамарис сильные, но неуклюжие, а пальцы — толстые, как и все остальное. Так что всякий раз, когда она жала на поршень, он сразу же шел до самого конца, струя выстреливала, и молоко из щенячьей пасти разбрызгивалось во все стороны. Лакать щенок еще не умел, поэтому давать малютке молоко из мисочки не получалось, а соски, которые можно купить в деревне, предназначаются для человеческих детенышей и слишком толстые. Дон Хайме посоветовал использовать пипетку, и она попробовала этим советом воспользоваться, но вот проблема: получая молочко по капельке, малышка

никогда не смогла бы наполнить животик. Тогда Дамарис пришло в голову смочить в молоке кусок булки и дать его сосать. Это сработало: съедено было все подчистую.

Хижина, где они жили, располагалась не внизу, у моря, а на поросшем лесом скалистом берегу, где белые люди из города строили свои просторные и красивые загородные дома с садами, мощеными дорожками и бассейнами. Чтобы оттуда добраться до деревни, нужно было спуститься по длинной лестнице с крутыми ступеньками, которые из-за постоянных дождей приходилось регулярно очищать от плесени, иначе запросто поскользнешься и свалишься вниз. А спустившись, тебе нужно было пересечь небольшой залив — широкий и бурный, как река, рукав моря, наполнявшийся с приливом и мелевший при отливе.

Утренний прилив в ту пору был довольно мощным, и, чтобы купить для щенка хлеба, Дамарис приходилось вставать ни свет ни заря, брать из дома весло, спускаться с ним на плече по ступеням, забирать с причала плоскодонку, стаскивать ее в воду, грести на другую сторону залива, привязывать лодку к пальме, потом идти с веслом на плече к хижине какого-нибудь рыбака, что жил возле залива, просить его самого, его жену или их деток присмотреть за веслом, выслушивать сетования и сплетни из уст соседа, а после этого еще топтать через полдеревни до лавки дона Хайме... И то же самое — на обратном пути. Каждый день, даже под дождем.

Днем Дамарис носила щенка у себя в лифчике, пристроив малышку между мягкими и пышными грудями,

чтобы та не мерзла. А на ночь укладывала ее в картонную коробку, подаренную доном Хайме, положив рядом бутылку с горячей водой и свою майку, которую носила днем, чтобы щенок не скучал без ее запаха.

Хижина, где они жили, была сложена из дерева, и состояние ее было довольно плачевным. При грозе она приплясывала от грохота грома и раскачивалась от порывов ветра, крыша была дырявая, так что вода текла отовсюду: и с потолка, и сквозь щели между досок стен просачивалась, тепло уходило, проникала сырость, и собачка начинала скулить. Дамарис и Рохелио уже довольно давно спали в разных комнатах, и в такие ночи она быстро вставала с постели, еще до того как он успел бы хоть что-то сказать или сделать. Вынимала малышку из коробки и так и сидела с ней на руках — в темноте, поглаживая ее пушистую спинку, чуть ли не умирая от ужаса, холодея от всполохов молний и ярости шквалистого ветра, ощущая себя такой малюсенькой — мельче и ничтожнее песчинки на дне морском. Сидела до тех пор, пока щенок не переставал скулить.

Ласкала она собачку и при свете дня — по вечерам, когда управлялась со своими утренними и обеденными делами и усаживалась в пластиковое кресло смотреть телесериал с малюткой на коленях. Когда Рохелио был дома, он, конечно же, видел, что жена гладит щеночка, но ничего не говорил и ничего не делал.